

— Ты сам совесть потерял! — несколько человек схватили Ван Биня. — Господин Хэ останется здесь, будет писать письма и рисовать. Если он заболеет, ему будут приносить еду. Почему он не может остаться?

— Именно, я сам поменялся с ним работой. Теперь он не носит тяжести и не поднимает корзины. Пусть остаётся и пишет.

Ван Бинь не был красноречив и не мог спорить с другими. Он был необразованным и чувствовал, что их аргументы были неверными, но не мог понять, в чём именно. Его держали, и он, ругаясь и тяжело дыша, только злился.

Когда остальные ушли, он некоторое время стоял у стены, пинал её и даже выковырял несколько кусочков кирпича. Увидев следы на кирпичках, он вдруг осенило, и он побежал обратно к Хэ Шэньпину.

Когда он вернулся, Цзян Хэлай уже был там, и он срочно спросил:

— Господин Цзян, как прошла аттестация?

Цзян Хэлай не ответил, а взял очень тонкую кисть и нарисовал на бескрайней реке старика с седыми волосами.

Хэ Шэньпин закончил рисовать сливу и хотел попросить Цзян Хэлая оценить её, но, увидев старика, вздохнул:

— Под дождём, в плаще из травы, прожить всю жизнь.

Цзян Хэлай написал две строки рядом с пейзажем, размашисто и свободно, и Хэ Шэньпин даже уловил в них нотки беззаботности:

*

Оглядываясь на пройденный путь,

Возвращаюсь, и нет ни дождя, ни солнца.

*

Ван Бинь долго смотрел и не понял:

— Что это значит? Как прошла аттестация?

Хэ Шэньпин, увидев это, улыбнулся:

— Господин Цзян уходит.

Ван Бинь удивился:

— Господин Хэ, как вы это поняли?

Хэ Шэньпин ничего не ответил. Цзян Хэлай бросил кисть, махнул рукой и ушёл, сказав на ходу:

— Решено, уйду в сентябре.

Ван Бинь, глядя на уходящего Цзян Хэлая, вдруг вспомнил, зачем он вернулся:

— Господин Хэ... у вас есть время научить меня писать?

Хэ Шэньпин не спросил причину, просто ответил:

— Хорошо.

Для него учиться писать не требовало объяснений, а вот не учиться — да.

Когда Ван Бинь начал учиться, другие тоже заинтересовались и присоединились. Сначала занятия проходили в комнате, но потом людей стало больше, и тем, кто сидел сзади, не было видно, что пишет Хэ Шэньпин, и они не могли повторять. Тогда занятия перенесли на улицу.

Рядом с фарфоровым заводом была сливовая роща, и в тени деревьев можно было заниматься в обеденный перерыв. Хэ Шэньпин писал на земле веткой, а остальные повторяли. Позже, когда дни стали длиннее, а солнце в полдень слишком жарким, тени стало не хватать, и занятия перенесли на раннее утро, перед началом работы.

Постепенно несколько человек научились сами писать простые письма домой, но многие всё равно продолжали просить Хэ Шэньпина писать за них.

Однажды, после ужина, Хэ Шэньпин написал ещё несколько писем и, возвращаясь из столовой в общежитие, уже в сумерках увидел человека, который шёл к выходу из завода в растерянном состоянии.

Он узнал его и поспешил окликнуть:

— Господин Цзян?

Цзян Хэлай отмахнулся:

— Не обращай на меня внимания.

Хэ Шэньпин не мог оставить его одного и пошёл за ним. Они вышли из завода и дошли до сливовой рощи.

Цзян Хэлай начал копать под сливовым деревом. У него не было инструментов, только руки, и он, разбрасывая землю, что-то бормотал.

Куча земли рядом с ямой становилась всё выше, и в яме показался фарфоровый кувшин.

Цзян Хэлай вытащил кувшин, долго ощупывал его, а затем снял крышку. Раздался тихий звук, и в роще мгновенно распространился аромат сливового вина.

Цзян Хэлай сел на землю с кувшином в руках и только через некоторое время поднял глаза на Хэ Шэньпина, заметив, что у того был контейнер из столовой.

— Дай мне твой контейнер.

Цзян Хэлай открыл его и наполнил обе половинки сливовым вином:

— Пьешь? Трёхлетнее сливовое вино, повезло тебе.

Хэ Шэньпин взял крышку, сел у корня дерева и сделал глоток. Вино было ароматным, но кислым.

Цзян Хэлай выпил полконтейнера залпом, отрыгнул и сказал:

— Это вино должно было быть открыто только перед моим уходом, но теперь я не уйду, так что давай выпьем.

Хэ Шэньпин помедлил и спросил:

— Почему вы не уходите?

Цзян Хэлай не ответил, продолжая пить. Он допил остаток, снова наполнил контейнер и выпил его. Когда кувшин опустел, он всё ещё пытался налить ещё, но из него выпали размягчённые сливы, рассыпавшись по земле.

Он смотрел на сливы, а затем внезапно начал рвать. Его вырвало, и он плакал, крича.

— Старина Шэньпин, у тебя ведь есть сын и дочь, верно? — он рыдал.

Хэ Шэньпин не знал, как утешить, и просто ответил:

— Да.

Цзян Хэлай спросил:

— Они писали тебе?

Хэ Шэньпин подтвердил:

— Да.

Цзян Хэлай сказал:

— Расскажи мне.

Хэ Шэньпин начал говорить, но Цзян Хэлай не хотел уходить, настаивая:

— Расскажи с детства, больше, больше... Как они росли?

Он продолжал рассказывать, пока не стемнело, и луна поднялась над холмами и сливовыми деревьями. Цзян Хэлай выпил слишком много, продолжал рвать, а потом, когда уже нечего было, упал на землю и заснул.

На следующее утро Хэ Шэньпин пошёл на занятия, но на полпути кто-то столкнулся с ним.

Тот бежал обратно и, не разглядев Хэ Шэньпина, крикнул:

— Смотри под ноги, не мешай!

Хэ Шэньпин поддержал его:

— Что случилось?

Человек, услышав голос, поднял глаза и, увидев Хэ Шэньпина, извинился:

— Господин Хэ, простите, простите.

Хэ Шэньпин не обратил внимания и спросил:

— Что произошло?

— Сливовая роща, Цзян Хэлай... — кроме Хэ Шэньпина и Ван Биня, никто не называл его господином.

Накануне Хэ Шэньпин отнёс Цзян Хэлая обратно, и теперь, услышав о сливовой роще, он вспомнил о кувшине и следах на земле, которые не были убраны.

Но затем человек сказал:

— Цзян Хэлай повесился, в сливовой роще, на дереве. Его лицо было ужасным, а под деревом лежали раздавленные сливы и пустой кувшин...

Голос остался позади, Хэ Шэньпин побежал в сливовую рощу и увидел человека, висящего на дереве.

Хэ Шэньпин попытался снять его, но один не смог, и тогда он нашёл камень, чтобы перетереть верёвку.

Верёвка наконец порвалась, и тело с грохотом упало на землю. Хэ Шэньпин поднял его, оно было ещё тёплым, не окоченевшим, и всё ещё пахло сливовым вином, как и тогда, когда он нёс его обратно.

Хэ Шэньпин понёс его на спине обратно на завод, и каждый, кого он встречал по пути в сливовую рощу, говорил:

— Сегодня занятий не будет.

Он говорил это, и за ним шёл человек, пока группа не вернулась на завод.

После происшествия работа продолжалась, камни в шахте ждали добычи, печь горела, заготовки ждали глазурования — ни один процесс не мог ждать.

Только вечером Хэ Шэньпин узнал, что произошло.

Сосед Цзян Хэлая по комнате передал ему несколько писем, сказав, что они были под подушкой, и попросил прочитать их.

Хэ Шэньпин читал строку за строкой, а сосед спрашивал:

— Что случилось? Я видел, как он взял письма и стал сам не свой. Его снова не отпустили?

Хэ Шэньпин, держа письма, огляделся и наконец нашёл стул, медленно сел на него.

Сосед настаивал:

— Господин Хэ, говорите же.

Хэ Шэньпин сказал:

— На севере голод, его семья... умерла.

— Все умерли? Родители, жена, дети, внуки? Но ведь уже лето?

— Они умерли ещё до весны... просто весть пришла поздно.

Хэ Шэньпина начало тошнить, и он не смог сдержаться, вырвав всё, что съел на ужин.

— Почему вас тошнит? Отравились? — сосед быстро нашёл полотенце и налил воды. — Это слишком ужасно, я слышал, у него была большая семья, он был учителем рисования, и они не были бедными. Как они все могли умереть?

Хэ Шэньпин долго сидел, не выпив ни глотка воды.

Уходя, он не сказал, что они умерли не только от голода.

Тем летом Хэ Шэньпина часто тошнило, у него не было аппетита, особенно к мясу, но в тот год рабочие фарфорового завода редко ели мясо.

<http://bllate.org/book/15543/1382955>